

БИБЛИОТЕКА «ЭС»

Экран и сцена -
2000 - март (№9) -
с. 16

Любители старины Сцена из пьесы

*Много непредвиденных событий и встреч происходит в старинном английском доме, когда в течение нескольких дней пересекаются несколько судеб знакомых, малознакомых и совсем незнакомых людей.
Предлагаем вниманию читателей «ЭС» одну из сцен, где хозяин дома Марк Ладлоу ведет беседу со своей дочерью Энкерет.*

Энкерет красивая девушка лет восемнадцати-двадцати, одетая в полном соответствии с последней модой на максимальную неряшливость и неопрятность.

ЭНКЕРЕТ. Приготовить чай?

ЛАДЛОУ. Мне пришло в голову, что с точки зрения старомодной учтивости, гармонирующей с духом старинного дома, где я обитаю, нам следовало бы подождать приезда твоей матушки. На тот случай, если она теперь пьет чай, в чем я ни в малейшей степени не уверен.

ЭНКЕРЕТ. Господи, это сегодня?

ЛАДЛОУ. Боюсь, что да.

ЭНКЕРЕТ. Как мы выйдем из положения?

ЛАДЛОУ. По возможности наилучшим образом.

ЭНКЕРЕТ. Как все это будет?

ЛАДЛОУ. Это в значительной мере зависит от нее.

ЭНКЕРЕТ. Вы не сказали, какова цель ее приезда.

ЛАДЛОУ. Деньги.

ЭНКЕРЕТ. Вам это известно?

ЛАДЛОУ. О чем еще может идти речь, если человек добивается встречи с вами против вашей воли.

ЭНКЕРЕТ. Вчера вы жаловались, что в наше время речь всегда идет о сексе.

ЛАДЛОУ. Твоей матушке нужны деньги, а не секс. Ну, а если второе, то она, по старой поговорке, пришла не в ту лавку.

ЭНКЕРЕТ. Как насчет денег?

ЛАДЛОУ. Тоже дефицит.

ЭНКЕРЕТ. Как она к этому относится?

ЛАДЛОУ. Может попытаться причинить неприятности.

ЭНКЕРЕТ. У нее есть такая возможность?

ЛАДЛОУ. Никогда нельзя знать заранее.

ЭНКЕРЕТ. Вы думаете... Интересно будет с ней встретиться.

ЛАДЛОУ. Мне нет.

ЭНКЕРЕТ. А не любопытно — после всех ваших рассказов.

ЛАДЛОУ. Несомненно, пристрастных — как все наши суждения о тех, с кем мы некогда были близки и от кого впоследствии стали бесконечно далеки. Что ты делаешь?

ЭНКЕРЕТ. Лежала.

ЛАДЛОУ. Ты тратишь массу времени на то, чтобы полежать.

ЭНКЕРЕТ. Нельзя сказать, чтобы здесь было сверхизобилие развлечений.

ЛАДЛОУ. Разумеется, нет — раз ты готова ходить на прогулки с Кеном.

ЭНКЕРЕТ. Неужели вы ревнуете даже к Кену? И уж не думаете ли вы, что Кена интересуют женщины?

ЛАДЛОУ. В этом я действительно сомневаюсь, но существует множество способов нарушать покой людей, не возбуждая их сексуально.

ЭНКЕРЕТ. Это просто психоз — миссис Эванс ни на минуту не оставляет парня в покое. Она доведет его до ручки.

ЛАДЛОУ. Сын, который убивает своего отца, пусть даже непредумышленно, а затем попадает в скверную историю с влюбчивым школьным учителем во время каникул, не может не вызывать тревоги в материнской груди. Это естественно.

ЭНКЕРЕТ. Разрешите вам сообщить, что вы скоро лишитесь услуг Кена. Он уезжает в Лондон работать официантом.

ЛАДЛОУ. Могу себе представить этот ресторан.

ЭНКЕРЕТ. Мы все можем себе это представить, но ему нужно удрать от своей матери.

ЛАДЛОУ. Матери, как известно, могут причинить большой вред.

ЭНКЕРЕТ. Отцы тоже.

ЛАДЛОУ. Отцов легче держать в руках.

ЭНКЕРЕТ. Не всегда.

ЛАДЛОУ. Почему же ты вернулась?

ЭНКЕРЕТ. Надеюсь, ненадолго.

ЛАДЛОУ. Ты все еще собираешься уезжать?

ЭНКЕРЕТ. Если смогу уехать туда, куда надо.

ЛАДЛОУ. Что ты называешь «куда надо»?

ЭНКЕРЕТ. Нью-Йорк, острова Карибского моря.

ЛАДЛОУ. Что же этому мешает?

ЭНКЕРЕТ. Предмет, который вы так порицаете, — деньги.

ЛАДЛОУ. Когда речь идет о развлечениях, о вкусах не спорят.

Пауза.

ЛАДЛОУ. Для меня, например, некоторым развлечением оказалась эта книга.

ЭНКЕРЕТ. Как она называется?

ЛАДЛОУ. «Потом я посвищу» Дженет Ногтз.

ЭНКЕРЕТ. Я думала, что вы никогда не читаете романы.

ЛАДЛОУ. Как правило, нет, особенно — написанные женщинами.

ЭНКЕРЕТ. Почему же такое исключение?

ЛАДЛОУ. Кое-что в рецензиях привлекло мое внимание.

ЭНКЕРЕТ. Вы все еще следите за рецензиями в прессе?

ЛАДЛОУ. Только, когда речь идет о большом успехе. В таком случае я читаю рецензии, даже если книга не в моем вкусе.

ЭНКЕРЕТ. В целом рецензии были одобрительные.

ЛАДЛОУ. Весьма одобрительные — в полном смысле слова успех.

ЭНКЕРЕТ. Заслуженный?

ЛАДЛОУ. Постольку, поскольку книга подтверждает мои самые мрачные опасения о поведении молодых людей в наше время.

ЭНКЕРЕТ. Вам она не нравится?

ЛАДЛОУ. Я не разделяю современное пристрастие к грязи.

ЭНКЕРЕТ. Что если жизнь грязна?

ЛАДЛОУ. В таком случае следует признать, что мисс Ногтз нарисовала весьма правдивую картину.

ЭНКЕРЕТ. До какого места вы дочитали?

ЛАДЛОУ. Героиня уезжает в Лондон, где ее в пьяном виде соблазняют; пробует наркотики и метиловый спирт; спит с каждым встречным мужчиной, большинство из которых занято весьма сомнительной, если не преступной, деятельностью. В их числе есть и несколько цветных джентльменов, кои, как ни странно, подают ничуть не лучший пример поведения, чем их белые собратья. Она балуется любовью с представительницами своего пола и соблазняет молодых людей, предпочитающих свой собственный. Она поступает в разные места на работу, но ее всюду увольняют из-за полной непригодности, а ее личная жизнь настолько отталкивающая, что не только никто не хочет на ней жениться, но после одной-двух ночей мужчины шарахаются от нее даже

как от любовницы. Я как раз дошел до той главы, где у нее кончатся деньги и она решает вернуться в дом отца, чудаконного владельца антикварной лавки в сонном провинциальном городе. Эта часть книги нравится мне больше всего.

ЭНКЕРЕТ. В вашем изложении это весьма банальная история.

ЛАДЛОУ. Так оно и есть. Тем не менее она читается с интересом.

ЭНКЕРЕТ. Несмотря на мою антипатию, я намерен дочитать ее до последней страницы.

ЛАДЛОУ. Надеюсь, что она вас не разочарует.

ЭНКЕРЕТ. Полагаю, там нет счастливой концовки? Я их не выношу. Между прочим, из твоих слов можно заключить, что ты знакома с этой книгой?

ЛАДЛОУ. И глубоко обдумала?

ЭНКЕРЕТ. Я уже сказала — я ее прочитала.

ЛАДЛОУ. Почему она называется «Потом я посвищу»?

ЭНКЕРЕТ. Цитата напечатана на титульном листе: «Я выплусь, а потом я посвищу». Это из «Короля Лира». Кент в колодах.

ЛАДЛОУ. Я никогда не читаю эпиграфы, но я рад, что автор хотя бы слышал о Шекспире. Как ты думаешь, книга автобиографична?

ЭНКЕРЕТ. Первые романы обычно автобиографичны.

ЛАДЛОУ. «Дженет Ногтз», надо полагать, псевдоним?

ЭНКЕРЕТ. Похоже, что да.

ЛАДЛОУ. Возможно, что я преувеличиваю грубость книги и недооцениваю несомненное мастерство описаний и обрисовки характеров.

ЭНКЕРЕТ. Так же, как отсутствие, в общем, сентиментальности.

ЛАДЛОУ. Ваш пересказ сюжета довольно точен — в той части, которую вы прочитали. Единственное упущение — намек на тягостное переживание в раннем детстве.

ЭНКЕРЕТ. Это скорее предполагается, чем утверждается. Я так и не понял, был этот случай реальным или воображаемым.

ЛАДЛОУ. Решение предоставляется читателю.

ЭНКЕРЕТ. Я предпочел не заходить слишком далеко в своих догадках. Ты, разумеется, имеешь в виду отца?

ЛАДЛОУ. Разумеется.

ЭНКЕРЕТ. Большинство рецензентов, кажется, нашли, что это наиболее интересный персонаж книги, хотя и не самый привлекательный. Признаться, я и сам так считаю. В известном смысле он почти герой книги — гораздо более впечатляющий образ, чем живущий в Эрлз Корт молодой австралиец, который, по всем приметам, станет следующим любовником.

ЛАДЛОУ. Надеюсь, она не выйдет за него замуж на последней странице.

ЭНКЕРЕТ. Какой конец вы бы предпочли?

ЛАДЛОУ. Почему бы ей не вернуться в дом отца?

ЭНКЕРЕТ. Такая развязка вполне отвечает склонности к кошмарным концовкам.

ЛАДЛОУ. Отец отделяется от австралийца: продает ему кучу псевдоантиквариата, после чего

тот в ярости возвращается к антиподам?

ЭНКЕРЕТ. Мне придется посмотреть те места, которые вы критикуете. Я думаю, что женщины-писательницы вообще трудно нарисовать положительный образ мужчины. Гораздо легче показать их такими, как они есть. Между прочим, я, по-видимому, куда-то заложила свой экземпляр книги.

ЛАДЛОУ. У меня твой экземпляр.

ЭНКЕРЕТ. Где вы его взяли?

ЛАДЛОУ. В ящике твоего туалетного столика.

ЭНКЕРЕТ. Как вы смеете копаться в моем туалетном столике?

ЛАДЛОУ. Как ты смеешь копаться в моей душе? То и другое имеют равное право на неприкосновенность.

ЭНКЕРЕТ. Я вам сказала, чтобы вы никогда не входили в мою спальню.

ЛАДЛОУ. Твоя книга, кажется, оправдывает подобное нарушение правил внутреннего распорядка.

Пауза.

ЭНКЕРЕТ. Когда вы поняли, что это я ее написала?

ЛАДЛОУ. Как только прочитал первую рецензию.

ЭНКЕРЕТ. Вы догадливы.

ЛАДЛОУ. Да, я догадлив.

ЭНКЕРЕТ. Не могу надеяться, что вы довольны.

ЛАДЛОУ. Мои чувства смешанные.

ЭНКЕРЕТ. И только?

ЛАДЛОУ. Всегда есть известная притягательность в том, чтобы взглянуть на себя чужими глазами, даже если портрет предельно саркастичен.

ЭНКЕРЕТ. Ваша терпимость меня изумляет.

ЛАДЛОУ. То, что я сказал, особенно верно в случаях, когда отношения между наблюдателем и наблюдаемым столь близкие, как между нами. В книге представлено много таких захватывающих подробностей моего характера, о которых я даже не знал. Для меня очень лестно, что ты обратила на них внимание — но неужели я действительно такой плохой?

ЭНКЕРЕТ. Господи, — гораздо хуже.

ЛАДЛОУ. Человек абсолютно эгоцентричный, живущий исключительно своими воспоминаниями о прошлом. Тщеславный, обидчивый, мстительный. Себялюбивый, похотливый, даже слегка безумный — по крайней мере, когда речь идет о собственной дочери.

ЭНКЕРЕТ. Вы можете что-нибудь из этого отрицать?

ЛАДЛОУ. В целом — нет. Нет. Я не отрицаю твои обвинения. По правде говоря, я чувствую себя польщенным.

ЭНКЕРЕТ. Значит, вы меня прощаете?

ЛАДЛОУ. За мой портрет — полностью.

ЭНКЕРЕТ. Вы выказываете великодушие.

ЛАДЛОУ. Это мужская добродетель. Впрочем, не стану притворяться, что в данном частном случае я полностью великодушен. У твоей книги есть другой аспект, который мне действительно трудно, даже невозможно простить.

Энтони Поуэлл

ЭНКЕРЕТ. Секс?

ЛАДЛОУ. Сделав над собой усилие, я могу это отметить как неизбежную крайность современной литературной моды.

ЭНКЕРЕТ. Грязь?

ЛАДЛОУ. Я не люблю грязь, но все-таки могу подняться выше этого: по правде говоря, в течение моей жизни мне нередко приходилось так поступать.

ЭНКЕРЕТ. Тогда, что же?

ЛАДЛОУ. Успех.

Пауза.

ЭНКЕРЕТ. Успех был достаточно ограниченным — во всяком случае в финансовом плане. О вас могут писать во всех газетах, а никаких доходов у вас не будет.

Сколько, вы думаете, я заработала? Я вам скажу. Несколько сот фунтов. Я их истратила. Я получила еще немного как аванс за следующую книгу, но эти деньги я тоже потратила.

ЛАДЛОУ. Однако в течение нескольких недель ты пользовалась большей известностью, хотя бы и анонимной, чем я за всю жизнь.

ЭНКЕРЕТ. Что значит известность?

ЛАДЛОУ. Очень много.

ЭНКЕРЕТ. Не в том случае, если вы ее познали.

ЛАДЛОУ. Но если вы были ее лишены...

ЭНКЕРЕТ. Вы всерьез так думаете?

ЛАДЛОУ. Знать, что о тебе говорят, что тебе завидуют. Видеть свою фамилию, а может быть, и фотографию в газете, появиться на экране телевизора. Я знаю, что все это крайне вульгарно, что это самообман. Предполагается, что интеллектуалы вроде меня выше подобного тщеславия. Возможно, некоторые и выше. Но не я. Я готов признаться в этом только тебе. Ты кое-что упустила в анализе моего характера.

ЭНКЕРЕТ. Да. Упустила.

ЛАДЛОУ. Тебя это признание удивляет?

ЭНКЕРЕТ. Теперь нет. Оно даже объясняет некоторые вещи.

ЛАДЛОУ. Таким образом ты была несправедлива ко мне. Обидно несправедлива.

ЭНКЕРЕТ (с чувством). Простите меня. Я вдруг все поняла. Я никогда об этом не думала. После ваших слов я чувствую себя какой-то бестией. Так мерзко я никогда в жизни себя не чувствовала.

ЛАДЛОУ. Значит, ты понимаешь?

ЭНКЕРЕТ. Да.

ЛАДЛОУ (тоже растроганно). Я даже не надеялся, что ты поймешь.

ЭНКЕРЕТ. Я поняла.

ЛАДЛОУ. Может быть, немножко сочувствуешь?

ЭНКЕРЕТ. Может быть.

ЛАДЛОУ. И ты можешь еще некоторое время потерпеть и пожить здесь со мной?

ЭНКЕРЕТ. Конечно, могу. Знаете, мне необходимо было вернуться. Я даже не знаю, почему. Не только из-за денег. И все-таки мне нужно достаточно денег, чтобы как можно скорее уехать, а не томиться в Лондоне. Вы говорите — успех. Людям кажется, что в случае успеха все хорошо. Это не так. Успех как раз и выявляет то, что неблагоприятно.

Энкерет обнимает отца. Кажется, что сейчас разыгрывается сентиментальная сцена, но в эту минуту в дверь со двора входят миссис Эванс и Кен. Ладлоу и Энкерет отступают друг от друга.